

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФИЛОСОФСКОГО И НАУЧНОГО ОБРАЗОВ ЖИЗНИ

Автор исследует взаимосвязь и различия философского и научного образов жизни. Данное сравнение позволит увидеть специфические особенности и преимущества каждого из названных образов жизни.

Важно, что исследователь уделяет внимание биографическому методу, что позволяет полнее представить специфику творческих лабораторий философов и учёных.

Ключевые слова: *креативность, научный образ жизни, учёный, философский образ жизни, философ.*

Автор досліджує взаємозв'язок та відмінності філософського й наукового способів життя. Подане порівняння дозволить побачити специфічні особливості та переваги кожного з названих способів життя.

Важливо, що дослідник приділяє увагу біографічному методу, що дозволяє більш повно подати специфіку творчих лабораторій філософів і вчених.

Ключові слова: *креативність, науковий спосіб життя, учений, філософський спосіб життя, філософ.*

The author studies the correlation and differences between philosophical and scientific styles of life. This comparison makes it possible to see specific features and advantages of each life pattern.

It is important that the researcher pays attention to the biographical method, which enables us to better understand the specifics of creative laboratory of philosophers and scientists.

The keywords: *creativity, scientific style of life, scientist, philosophical style of life, philosopher.*

Актуальность. Потребность в углублении знаний о философском образе жизни требует его соотнесения не только с художественным, быденным, религиозным, литературно-публицистическим, но и научным образом жизни, который во многом сродни философскому. Анализ их отличия поможет умножить представления о характерных особенностях философского образа жизни. Нам необходимо исходить из методологического положения о закономерностях времени возникновения и формирования науки, этапов ее развития и социальной роли.

Исторические свидетельства нас уведомляют о том, что научное знание возникает значительно позже, нежели философское. Оно отпочковалось от мощного пласта философских наработок. Как система наука начала оформляться с XV века. В начале развитие шло медленно, а с XIX века ее темпы значительно увеличились, ощутимо усилилось влияние на всю общественную жизнь. Постепенно она превращалась из формы общественного сознания в систему деятельности, отношений, общения, творчества и ценностей, в могущественное средство управления производственной сферой.

Прирост научного знания создавал мощную информационную базу для

дальнейшего прогрессирования общества. Долгое время его увеличение осуществлялось замедленными темпами – на 0,5 за жизнь поколения, затем темп убыстрился: полное обновление происходило за 10 лет, затем – за 5 лет, а в конце XX века – каждые два года.

Но не все полученные научные и технические знания использовались на благо людей. После I Мировой войны в обществе активно стал обсуждаться вопрос об ответственности ученых: их открытия и изобретения во время военных действий в значительной мере увеличили и без того громадные людские потери, нанесли непоправимый вред природе и материальным ценностям. После II Мировой войны уже сами ученые выступили инициаторами борьбы за всеобщее и полное разоружение, усиление их ответственности перед человечеством. Были созданы всемирные общественные организации, активно выступающие против войны и милитаристского использования научных достижений: Всемирная федерация научных сотрудников (1946 г.), «Ученые мира в борьбе за мир» (1948 г.), Пагуошское движение (Канада, 1957 г.) и др. В связи с этими событиями встал вопрос о взаимосвязи нравственности и науки. Некоторые деятели науки из числа всемирно известных, к сожалению, заняли прямо противоположные позиции.

Дальнейшее накопление научной информации и научных знаний привело в XX веке к информационному взрыву. Он наглядно выявил усиливающуюся неспособность людей осваивать приобретенные духовные ценности. Так, если в 1960 г. за жизнь человек использовал одну тысячную всего запаса информации, то в 2000 г. – уже была одна четырехтысячная (Г. Эделинг). Более 40 % литературы в хранилищах мира до сих пор не было вообще затребовано читателями. Это при том, что информационный взрыв в меньшей степени затронул теоретическое знание, нежели прикладное. Создавшееся положение предопределило пристальный интерес общества к принципам организации науки, ее структуре и функционированию, способам финансирования, коэффициенту прироста знаний, что дало толчок возникновению наук о науке – науковедения, социологии науки, экономики науки, интеллектики, гениелогии, эвристики, мореологии и т. д. Став непосредственной производительной силой общества в результате двух научно-технических революций, наука обусловила промышленные революции, которые колоссально сократили сроки воплощения научных идей в промышленные образцы, расширили объем научных исследований до 20–30 % в год, обеспечили рост числа ученых.

Но одновременно встал вопрос о престиже науки в глазах общества, о соотносительной продуктивности «большой» и «малой» науки, повышении КПД научных школ, убыстрении генерации новых идей, творческой отдаче ученых. Последнее предрешило интерес к характеру научной среды, способам научного общения, системе научных отношений и научному образу жизни.

Степень изученности проблемы. Все предыдущие вопросы освещались в работах многих социологов, науковедов, философов, психологов (Е. Жариков, Е. Парнов, Д. Блохинцев, Т. Кун, Г. Башляр, Дж. Бернал, М. Малкей, Г. Волков, В. Налимов, З. Мульченко, А. Зворыкин, В. Максимов, Е. Мирская, В. Соковнин, Р. Сигер и др.), в то время как научный образ жизни обойден активным вниманием.

По нашему мнению, научный образ жизни – ценностно-ориентированное

обеспечение труда и необходимых жизненных процессов ученого для усиления его исследовательского и творческого потенциала. Он обеспечивает постоянное «нахождение» в избранной теме, интеграцию процессов плодотворной деятельности, оптимизацию креативности ученого, усиление его научной самоотдачи.

Философский образ жизни – непреложное условие и средство индивидуального жизнотворчества философа, выработки им эвристических, аксиологических, этико-эстетических, прогностических и футурологических приёмов в познании.

Целью статьи является рассмотрение соотношения философского и научного образа жизни, определение их отличий и сходства, функциональных особенностей и проблемности развития.

Изложение основного материала исследования. Научная деятельность требует от изыскателя большого умственного и физического напряжения, ответственности, следования «дисциплинарной матрице» (Т. Кун), умения прийти к истине вопреки обыденным представлениям и тотальной очевидности [6, с. 122, 126]. Для гениев науки благодатны способность отрешения от окружающего мира, умение вычленять из тривиального нестандартные решения. Так, Галилей к идее маятниковых часов пришел во время длительных служб в епископальной церкви, когда он наблюдал колышущиеся бронзовые люстры. Соответственно ранжиру своего пульса он измерил их большие и маленькие колебания и установил, что они совершаются за одно и тоже время. Таким образом, для науки был установлен изохронизм колебаний маятника.

Также длительная погруженность в анализ физических проблем помогла корабельному врачу Майеру сформулировать закон сохранения энергии. Он его вывел, ухаживая за больными матросами, находящимися с ним на корабле. Майер констатировал, что в южных широтах венозная кровь ярче, так как организм меньше расходует кислорода. На основе этих фактов родилась первая формулировка закона.

Французский математик и физик А. Пуанкаре описывал, что идея о преобразованиях для определения фуксовых функций пришла ему во время экскурсии, организованной Горным институтом, когда он занес ногу на ступеньку омнибуса. Ученый с нетерпением ждал возвращения домой для построения строгих доказательств. Продолжая исследование фуксовых функций, Пуанкаре оказался в подобной ситуации на берегу моря, куда уехал на несколько дней отдохнуть, огорченный временными исследовательскими неудачами [9, с. 315].

Подобное постоянное обдумывание интересующей идеи, умение извлекать ее решения из повседневных явлений в конечном счете приводят к открытию ранее неизвестных миру закономерностей. Но погружение в свою научную проблему предполагает наличие соответствующих условий. Современный убыстренный ритм жизни и возрастающие запросы усложнившегося научного производства часто требуют от ученого постоянного обдумывания разрабатываемых проблем, вынуждая его «не выходить из темы» и при выполнении обыденных обиходных действий. Подобное происходило и с ведущим химиком-технологом компании Procter & Gamble В. Миллзом. Ему, ставшему дедушкой, вменили в обязанность стирку пеленок для внуков-близнецов, занимавшую большое количество времени. Отвлекаясь от теоретических изысканий в течении многих месяцев на выполнение необходимых домашних забот, В. Миллз беспокоился о сроках сдачи научного отчета и для

удобства изобрел памперсы. Тем самым облегчив жизнь не только себе, но и многим миллионам родителей во всем мире.

В прежние времена чаще всего свое время посвящали науке и философии состоятельные люди. Сегодня не все труженики духовного производства могут позволить себе содержать прислугу. Поэтому необычайно важно решение проблемы оптимизации научного и философского образов жизни, определение принципов подхода к своему таланту, обязанностям и организации ритма деятельности.

Например, В. И. Вернадский (1863–1959) установил для себя порядок и никогда не нарушал его, несмотря ни на что: всегда ложился спать в двадцать два часа, вставал в шесть часов, чем обеспечивал необычайную работоспособность в течение всей жизни [4, с. 87]. В итоге он внес значительнейший вклад в копилку человеческих знаний: были созданы генетическая минералогия, геохимия, биогеохимия, радиогеология. По мнению мировой научной общественности, всеми этими достижениями благодаря широте и разносторонности своего гения он поднялся до необыкновенности вклада в систему духовных ценностей Ломоносовым. Будучи учеником Д. И. Менделеева, В. В. Докучаева, А. М. Бутлерова, И. М. Сеченова, В. И. Вернадский поражал всех глубиной и серьезностью мысли. В своих выступлениях завораживал перспективностью мышления специалистов высокого класса. Отношения с учениками пронизывало благородство и необыкновенное внимание. Он дарил им свои научные идеи, помогал в сложных исследовательских поисках и многообразных жизненных перипетиях. Его яркое окружение – К. А. Тимирязев, П. Н. Лебедев, Н. Д. Зелинский, А. А. Мануйлов, С. А. Чаплыгин, П. П. Лазарев – являли в самые сложные политические моменты высокое человеческое достоинство и ответственность перед студенческой молодежью. Они и еще сорок профессоров подали в отставку в знак протеста в 1911 г., когда власти ввели полицию в здание университета из-за боязни студенческих волнений [4, с. 119].

Поразительна многоотраслевая социальная и научная статусность великого ученого во все годы жизни, колоссальный диапазон его деятельности. Но при этом он всегда успевал познакомиться с новыми печатными источниками, удивлял всех необычайной памятью как качеством своего гениального ума, целенаправленностью действий, верностью своим убеждениям, высокой дисциплинированностью мышления. Не только сам был необычайно точен во всем, но и от других требовал предельной тщательности, будь то лабораторные наблюдения или время встречи.

Не менее колоритен образ жизни С. И. Вавилова (1891–1951). Исследователь света, люминесценции, профессор, педагог, президент АН СССР, родоначальник научных школ, организатор наук, основатель научных принципов ее планирования в масштабах государства обладал острым умом, оригинальными полетами мысли.

Он вышел из купеческой, не слишком образованной семьи. Но не только он сам, но и его брат Николай Вавилов – гениальный ученый (агроном, генетик, биолог, путешественник) – с детства явили неординарность мысли и целеустремленность в познании тайн окружающего мира. Отец не мешал увлечениям сыновей, поощрял творчество, по необходимости помогал деньгами, но очень удручался их стойкому нежеланию заниматься коммерцией. Мать – мудрейшая женщина – умела создать в семье благоприятную, спокойную обстановку, способствующую реализации креатива

у детей. Еще в годы учебы Сергей Иванович поражал однокашников начитанностью в различных областях знания, интересом к организации научных дискуссий. Став преподавателем вуза, очаровывал студентов серьезной вдумчивостью, проявлением высокой духовности [5, с. 172]. В 20-ые гг. XX века интенсивно занимался написанием и изданием учебников для высшей школы. Необычайно много внимания уделял молодой научной поросли, создавая в их среде дух товарищества. Многие его ученики стали известными физиками: И. М. Франк, Б. Я. Свешников, Е. М. Блумберг, В. В. Антонов-Романовский, В. С. Фурсов, А. А. Ишиловский и другие. Пять из них – нобелевские лауреаты.

Пожизненно уделял мало внимания быту, не стремился к обиходным переменам, в отношении домашней обстановки проявлял консерватизм, не любил больших комнат. Предпочитал, чтобы все было под рукой. Тридцать семь тысяч книг насчитывалось в личной библиотеке, часть из которых дарил ученикам, отдавал в книжные фонды школ и вузов. Состав книг характеризовал разносторонние интересы их хозяина: мировая классическая литература, всевозможные научные источники, в том числе широкий спектр изданий по физике. Многие произведения были в подлиннике, так как С. И. Вавилов великолепно знал иностранные языки, всегда интересовался историей и мифологией. Личное собрание книг часто является точным индикатором интересов владельца, его предпочтений и образа жизни. Оно выявляет скрытые доминантные духовные, интеллектуальные и профессиональные качества, кроме того, отражает реалии исторического времени. Высокую философскую, научную, историческую и даже филологическую культуру его, владельца такой библиотеки, отмечали многие из коллег (Н. И. Идельсон) [5, с. 117]. Они считали, что обширная эрудиция помогала выдающемуся изыскателю подниматься на высочайшие вершины творчества. При этом никогда не чурался мелкой непродуктивной работы. Сам в 20-ые гг. XX века вытачивал необходимые для опытов детали, мастерил приборы для лабораторных занятий. Для него был характерен аскетизм и умеренность во всем, был равнодушен к «земным благам», все силы отдавал науке. Всегда имел опрятный и корректный вид, ни в коем случае не позволял себе внешне выделяться. Был чрезвычайно пунктуален, требовал от всех аккуратности при исполнении своих обязанностей, соблюдения дисциплины. Отличался нетерпимостью к лени у ума, внутренней расхлябанности, неумению четко организовать свою работу. Он трудился по десять часов в сутки, считая, что это «отпускной» режим [5, с. 221]. В научных экспериментах подчеркивал принципиальность научной тщательности. Крайне осторожничал в определении достоверности результатов, требовал особой скрупулезности при написании и оформлении отчетов, статей и монографий. В его понимании люди науки должны быть не только квалифицированными и эрудированными, но и глубоко преданными идеалам познания. Даже существовало понятие «вавилонская атмосфера» с ее деловитостью, доброжелательностью, тактичной требовательностью, исключительной заинтересованностью в успехе любого из коллег.

Манера общения отличалась простотой и естественностью. Живость мысли и широта культуры покоряли. Его творческий метод содержал три основных принципа: искать на широком горизонте, вникать в сущность явления, видеть направление, а не

конъюнктуру [5, с. 208]. Будучи в зарубежных научных поездках, приводил в изумление иностранных коллег не только знанием языков, информированностью в научной литературе, но и великолепием творческой многоплановой интуиции. При внешней сдержанности был эмоциональным, тонко чувствующим человеком, обладающим креативной прозорливостью и обаянием. Все его научные достижения и личные качества делали его выдающимся ученым высокого мирового ранга.

Выводы. Таким образом, анализ показывает, что научный образ жизни выявляет постоянную наполненность деятельностью учёного, научными планами, строгим режимом, стремлением в наибольшей мере осуществить задуманное, целеустремлённое регулирование всех бытийных процессов так, чтобы плодотворность научного творчества постоянно возрастала. Беспокойство за будущее науки обуславливало активность учёных по формированию научной смены, а это требовало особой заботы о молодых исследователях, умение разглядеть направленность их интересов, развивать их стремление быть продуктивными в «мозговых штурмах». Подобная разноплановость действий будет нами выявлена и в особенностях философского образа жизни в следующих публикациях, что послужит основой для сравнения этих образов жизни.

Литература:

1. Великие мыслители XX века / автор-сост. А. Логрус. – М. : Мартин, 2002. – 512 с.
2. *Гельвеций К.* Об уме / К. Гельвеций. – М. : Мир книги, Литература, 2006. – 560 с.
3. *Гулыга А. В.* Гердер / А. В. Гулыга. – М. : Мысль, 1975. – 181 с.
4. *Гумилевский Л.* Вернадский / Л. Гумилевский. – М. : Молодая гвардия, 1961. – 319 с.
5. *Келер В.* Сергей Вавилов / В. Келер. – М. : Молодая гвардия, 1975. – 317 с.
6. *Количева Т. В.* Наука та рефлексія / Т. В. Количева. – Науковий вісник, серія «Філософія», Вип. 32. – Х. : ХНПУ, 2009. – С. 122–126.
7. Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель / сост. и заключит. ст. В. П. Руднева. – М. : Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1993. – 352 с.
8. Многомерный образ человека: комплексное междисциплинарное исследование человека / отв. ред. И. Т. Фролов, Б. Г. Юдин. – М. : Наука, 2001. – 237 с.
9. *Пуанкаре А.* О науке / А. Пуанкаре. – М. : Наука, 1983. – 426 с.
10. *Чикин С. Я.* Врачи-философы / С. Я. Чикин. – М. : Медицина, 1990. – 384 с.

Рецензенты:

Доктор філософських наук, професор, завідувач кафедри філософії та політології Харківської державної академії культури Дяченко М.В.

Доктор культурології, професор кафедри філософії та політології Харківської державної академії культури Щедрін А.Т.